

ЧТО ИЗМЕНИЛОСЬ В ВЫРАЖЕНИИ ЭМОЦИЙ

© Юхнова Ирина Сергеевна (2023), ORCID ID: 0000-0003-2835-3070, SPIN-код: 3299-6410, доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23), yuhnova@flf.unn.ru

В основе статьи – выступление на круглом столе, который прошел в день рождения А.С. Пушкина в музее-заповеднике «Болдино». Автор размышляет о таких проблемах, как пушкинское начало в языке и литературе, исчезновение эталонной речи из средств массовой информации, изменение стиля публичного высказывания, вытеснение лексики, выражающей эмоции, графическими знаками (смайликами, эмодзи и пр.).

Ключевые слова: «пушкинский» язык, публичное выступление, язык эмоций, язык СМИ.

В центре моего внимания будут два вопроса. Один из них – что изменилось в наше время в выражении эмоций, второй (и с него я начну свои размышления) – насколько язык, на котором мы сейчас говорим, остается «пушкинским». Не столько по лексике, сколько по самому типу высказывания, по риторике, но самое главное – по транслируемым ценностям.

Чем этот вопрос вызван? Тем, что у нас исчезает эталонная речь. Раньше мы всегда точно знали, что театр, дикторы на радио и телевидении, учителя в школе, преподаватели в вузе являются носителями грамотной литературной речи. Этому придавалось большое значение. Достаточно вспомнить два эпизода из отечественных фильмов. В «Доживем до понедельника» учитель Мельников очень эмоционально реагирует на то, что преподаватель произносит неверную форму глагола «класть». А в фильме «Дневник директора школы» герой Олега Борисова не принимает на работу учительницу, которая произносит слово «трамвай» как [транвай]. Почему так важна для директора школы грамотная речь учителя? Речевую ошибку подхватывают дети, она воспринимается ими как норма и входит в их язык.

Современный человек, по сути, лишился каналов, по которым его ухо улавливало бы правильную живую речь. В театр большая

часть не ходит, радиопостановки не слушает, телевизор смотрит взрослое население, молодое – «зависает» в соцсетях, а там звучит совсем другая речь и по лексическому составу, и по темпу. СМИ (их язык в нашей науке стал предметом особого исследования) вообще живут по каким-то своим законам: часто это бессодержательное заполнение эфира неким подобием игриво-шутливого разговора – то, что раньше определялось словом «трепаться». В кино, сериалах ситуация не лучше. Там сейчас преобладают искусственные диалоги, избыточные просторечиями, вульгаризмами, словами, заменяющими ненормативную лексику, в них проявляется скрытая и явная агрессия; меняется и сам характер ведения диалога: собеседники стремятся к доминированию, задача каждого – победить, а не прийти к согласию.

К сожалению, не всегда речь школьного учителя является образцовой. Более того, обозначилась тревожная тенденция подстраивания учителя под речь школьника, а не формирования его правильной речи. Преподавателя даже хвалят за то, что он говорит с детьми на их языке, владеет их жаргоном, а потому может ответить в их же манере. Получается, что не учитель формирует речь школьника, а школьник влияет на речь учителя. По сути, это проявление инфантилизации общества и образования, известный эффект «взрослого детского лепета», когда, говоря с маленьким ребенком, взрослые начинают сюсюкать с ним, переходят на псевдодетский язык.

Между тем правильная речь, позволяющая выразить не инстинкты, а чувства, глубокие переживания и мысли, формируется трудно и долго прежде всего в процессе чтения и существования человека в определенной речевой традиции. Наш слух безошибочно различает по интонации, обертонам речи, расставляемым акцентам, темпу речи, используемой лексике «северянина» и «южанина», представителя той или иной профессии, того или иного социального круга. И речь всегда выдает истинный уровень культуры и образованности.

На мой взгляд, самое страшное, что мусорную, агрессивную речь нам часто демонстрируют люди, которые должны быть носителями и высокого речевого этикета, и сложноорганизованной мысли, и развитой эмоциональности, и трансляторами национальной аксиологии.

Приведу один пример. Это интервью нового директора музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина Елизаветы Лихачевой,

которое она дала RTVI. Отдельные реплики, прозвучавшие в нем, вызвали резкую реакцию КПРФ, которая инициировала их проверку на предмет дискредитации исторической личности. Среди высказываний директора музея были такие: «Сталин сдох»; «Сталин – предмет попкультуры, как Микки Маус»; «Петр Первый – сомнительная историческая личность» и т.д. Понятно, что КПРФ не приняла рассуждений и оценок Елизаветы Лихачевой по идеологическим мотивам. Меня же испугало в этом интервью другое. Перед нами высказывания деятеля культуры, который, хотя и косвенно, но всё же имеет отношение к Пушкину, и в то же время это слова человека, отдалившегося от пушкинского начала на необозримое расстояние, и это касается, прежде всего, двух моментов. Во-первых, интервью демонстрирует аксиологический (ценностный) цинизм. С подобных высказываний начинается разрушение уважения к собственной истории, к ее трагическим страницам. В нашей культуре, и прежде всего в литературе, всегда существовало уважение к смерти. Даже к смерти врага. И тут для нас безусловным ориентиром является Пушкин. Представить, чтобы в его «Борисе Годунове» прозвучало из уст кого-то из героев «Иван Грозный сдох», невозможно. Тень Грозного, по словам И. Киреевского, становится действующим лицом трагедии. «Не к ночи будь помянут,» – говорит о нем один из героев. Ужасы правления Грозного живы в памяти. Но нет забвения, и нет «пляски на костях» ненавистного правителя. Что есть? Есть историческая память. Есть понимание необходимости эту память сохранить, какой бы трудной и страшной она ни была. Не случайно одним из важнейших героев становится летописец Пимен. То же мы видим и в «Капитанской дочке». Пушкин включает страшные сцены, причем зеркальные: это и «допрос» башкирца, лишённого языка, и казнь капитана Миронова и защитников Белогорской крепости, смерть Василисы Егоровны. Есть и пропущенная глава, в которой по Волге плывут плоты с виселицами. Пушкин показывает события, которые прошли через судьбу главного героя, чуть не стоили ему жизни. Но пушкинский герой не впадает в эмоциональные крайности, он со спокойной мудростью пишет мемуары для своих потомков. И это опять же и семейная, и историческая память. Завет потомкам.

В интервью же Елизаветы Лихачевой для меня показательны два момента: и стиль высказывания, и его суть. Это абсолютный контраст тому, как говорила о музее и его жизни великая Ирина Антонова. Кого же мы слышим после нее? Человека, изъясняющегося

исключительно на сленге. И это, к сожалению, общая тенденция. Наблюдается неразличение того, как можно и как нельзя высказываться на публичных площадках.

Еще два момента в общей речевой ситуации обращают на себя внимание. Первое. Нас загоняют в шаблоны и трафареты. Везде и повсеместно. Это и в ЕГЭ, и в научных статьях, и в переписке. По сути, уходит свобода формы выражения мысли. И второе – это суживание, «скукоживание» наших высказываний. Происходит процесс утраты способности (а может, и необходимости) развернуто выражать чувства. И здесь я подхожу ко второму вопросу: как современный человек стал говорить о своих эмоциях, какие слова он для их обозначения находит?

Вот наиболее типичные реакции – и слова: *жесть, огонь, круто, норм, ору чайкой, вау!* и др. Они так много замещают и выражают! Целый спектр эмоций, чувств, реакций. Их частотность понятна: они эмоционально окрашены. И появление таких слов – это показатель того, что есть лакуны в лексике, что человеку недостает слов, чтобы выразить свою эмоцию, отношение, оценку. Во всяком случае, ему не хватает слов в имеющемся арсенале. А может, и эмоции стали другими?

Отчасти этим можно объяснить и тот факт, что в последнее время большинство смс сопровождаются смайликами, эмодзи и пр. Причем уже сформировались и некоторые «нормы» подобного общения (если пора завершить дрящую переписку, то присылают смайлик без текста, дают какую-то реакцию; в конце сообщения часто не ставят точку, так как многими она воспринимается как проявление агрессии). Человеку всегда нужно было не только слово для передачи того, что он чувствует, для выражения эмоции. Когда-то Лермонтов в письме М.А. Лопухиной от 23 декабря 1834 г. сетовал: «О! как я хотел бы вас снова увидеть, говорить с вами: мне был бы благодотворен самый звук вашей речи; **право, следовало бы в письмах ставить ноты над словами; ведь теперь читать письмо то же, что глядеть на портрет: ни жизни, ни движения; выражение застывшей мысли, что-то отзывающееся смертью!**.. [выделено мной. – И.Ю.]» [Лермонтов 1980, 576]. Преодолеть эту «мертвенность» букв и помогают графические средства. Но смайлики начали вытеснять слова. На международном съезде славистов в Белграде в 2018 г. после бурного обсуждения одного из докладов прозвучала реплика: «А вдруг мы скоро будем нажимать клавишу, чтобы хи-90

хикнуть». По сути, это уже произошло. Приведу недавний случай. В вечернем автобусе я стала свидетелем интересного диалога. Парень и девушка ехали с просмотра какого-то фильма, бурно, умно и тонко его обсуждали: говорили про крупные и общие планы, про цветовое и музыкальное решение. Речь зашла об эмоциях, которые у них вызвало начало фильма, – там звучала какая-то песня, которая создавала сильную эмоциональную волну. И юноша, стараясь объяснить собеседнице, какую, говорит: «Знаешь, есть такой смайлик [описывает этот смайлик]. Вот и у меня такое же чувство было». То есть что случилось? Они утратили слова для передачи своих эмоций. Проще и быстрее оказалось объяснить их через тип смайлика. И если такие ребята (а они очень интересно рассуждали о фильме) не могут найти слов для обозначения своих переживаний, то что говорить о тех, кто знает только такие выражения эмоций, как «жесть!», «огонь», «вау!». Невольно вспоминается героиня романа И. Ильфа и Е. Петрова, словарный состав которой исчерпывался 30 словами (наблюдения филологов показали, что лексикологический «портрет» этой героини отражает не столько частные наблюдения авторов, сколько социолингвистические универсалии, воплощаемые в самые разные эпохи [Шкатова 1986, 29–35]).

Вся русская литература искала способы выразить чувство, рассказать о нем, передать «диалектику души». И находила. Но выросло одно мало читающее поколение – и оно перестало искать словесный аналог своим эмоциям. Оказалось, гораздо проще и удобнее указать на смайлик.

Источники

Лермонтов 1980 – Лермонтов М.Ю. *Собрание сочинений*: в 4 т. Т. 4. Л., 1980.

Литература

Шкатова 1986 – Шкатова Л.А. *Как слово отвечается*. Челябинск, 1986.

WHAT HAS CHANGED IN THE EXPRESSION OF EMOTIONS

© **Yukhnova Irina Sergeevna** (2023), ORCID ID: 0000-0003-2835-3070, SPIN-код: 3299-6410, Doctor of Philology, professor, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (23 Prospekt Gagarina (Gagarin

Avenue), Nizhnij Novgorod, 603950, Russian Federation), yuhnova@flf.unn.ru

The article is based on a speech delivered at a roundtable discussion held on Pushkin's birthday at the Boldino Museum-Reserve. The author reflects on such problems as Pushkin's origins in language and literature, the disappearance of reference speech from the media, changes in the style of public statements, the replacement of vocabulary expressing emotions with graphic signs (emoticons, emoji, etc.).

Keywords: "Pushkin's" language, public speaking, language of emotions, media language.

References

(Monographs)

Шкатова 1986 – Shkatova L.A. *Kak slovo otzovetsya* [As the word goes]. Chelyabinsk, 1986. (In Russian).

Поступила в редакцию 8.06.2023